

ФЕНОМЕН КОНСТИТУЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА

1. Конституционализм как теоретическая модель современного мироустройства

Для современного цивилизованного мира в качестве оптимальной признается система, в рамках которой социально-политическое устройство и экономико-правовые отношения строятся в соответствии с теоретической моделью конституционализма. Данная модель предполагает понимание конституции в трех смысловых значениях:

- в качестве совокупности закрепляемых на конституционном уровне ценностных детерминант с признанием и уважением которых связывается оценка общества в качестве цивилизованного;

- как сложившегося и функционирующего политико-правового режима, включающего в качестве составных элементов закрепляемые на конституционном уровне общезначимые правила, в соответствии с которыми осуществляется формирование и функционирование аппарата публичной власти, а также юридические механизмы посредством которых обеспечивается подчинение действующим правилам всех субъектов социально-политических отношений, в том числе и самих представителей государственной власти;

- как идеальной модели взаимодействия государства и общества, в рамках которой обеспечивается достижение баланса публичных, частных и корпоративных интересов и определяются перспективные направления прогрессивного развития социально-политической организации сообщества.

В подобном плюралистическом «ракурсе» конституционализм рассматривается преимущественно в западной политико-правовой науке. Что же касается отечественной юриспруденции, то для нее в большей степени характерными являются научные подходы, в рамках которых формируется представление о конституционализме как о системе взглядов на структуру и

содержание конституции, место и роль конституции в системе источников права, а также о юридическом механизме разработки, принятия и реализации Основного закона государства. Не отрицая важность и научную значимость данного подхода, все-таки, следует отметить его узость, поскольку сведение конституционализма к совокупности знаний о писанной (текстуальной) конституции не позволяет, либо, по крайней мере, существенным образом усложняет комплексную характеристику данного феномена

2. Понимание будущего: от линейности к цикличности

Настоящего как статичного (неизменного) во времени показателя (характеристики) состояния общественных отношений в реальной жизни не существует.

Время как система измерения представляет собой систему координат актуальную и значимую, только для того, кто в ней находится. В таком понятии в смысле настоящего следует использовать термин современное, означающий соучастие субъектов в социальных процессах, протекающих в рамках совместимых для конкретных участников конкретных коммуникаций временных параметров.

Время делится на объективное астрономическое (календарное) и субъективное – социально-историческое. Выделение во времени прошлого и будущего, актуально только для социально-исторического времени, применительно к которому прошлое можно измерять, описывать, анализировать, оценивать, но нельзя изменять. В свою очередь, будущее можно моделировать, с той или иной степенью вероятности и достоверности. Будущее объективно. Оно наступит не зависимо от субъективного восприятия и отношения к грядущим перспективам. Понимание будущего предполагает две модели исторического развития: репродуцируемой в направлении бесконечности современности и альтернативной современности цикличной истории.

Будущее возникающее в результате репродукции современности, по сути своей есть неизменное в социально-пространственных координатах и

непрерывно прирастающее во временных координатах прошлое, становящееся с течением времени не старше, а наоборот моложе. Конца социальной истории нет, исторический век рассматривается по аналогии с бесконечностью – историческим постоянством. Для марксизма такое историческое состояние ассоциировалось с переходом к коммунистической общественно-экономической формации, являющейся завершающей для изменяющегося исторического развития вехой начала «бесконечного во времени земного рая».¹ По мнению Д.Белла – это постиндустриальная эпоха как следствие завершения предшествующей ей эпохи индустриального общества.² Для В. Суркова – это вечный путинизм, установление которого связывается с выходом на «постоянные обороты машины долгого государства Путина».³ При этом, во всех перечисленных моделях есть три последовательно сменяющих друг друга этапа, которые с определенной долей условности могут быть привязаны к временным периодам прошлого – настоящего (современного) – будущего.

Альтернативное будущее представляет собой иной по сравнению с современным путь социального развития, начинающийся с момента «окончания линейной истории», основанной на сохранении и воспроизводстве традиционной взаимосвязи предшествующего и последующего поколений.

Волновая теория Э. Тоффлера, в отличие от перечисленных концепций исторического развития, основывающихся на преемственности и взаимной обусловленности поколения отцов и поколения детей, оперирует качественно иной методологией понимания социальной истории.⁴

История как некое измеряемое временными параметрами социальное состояние, в контексте волновой теории не является линейной,

¹ См.: Зибарев М.В. К проблеме периодизации общественно-экономических формаций //В мире научных открытий. 2013. № 11-9 (47). С. 126-131.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.

³ См.: Сурков В. Долгое государство Путина //Независимая газета. 11.02.2019 /http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 21.02.2019).

⁴ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 261 с.

а представляет собой сочетание замкнутых исторических циклов (локальных континуумов), которые будучи связанными друг с другом, вместе с тем, непосредственным образом друг друга не порождают и могут сосуществовать в качестве альтернативных (параллельных) социальных миров.

3. Конституционная экономика в постсоветской России

Экономико-правовая система России, на всех этапах отечественной истории рассматривалась «власть имущими» в качестве области «хозяйственной деятельности», в своем содержании всецело зависящей от воли, лиц, которые на определенных исторических этапах выступали в качестве «хозяев русской земли и русского народа». При таком подходе экономические закономерности (детерминирующие зависимости цены и качества, спроса и предложения производимых и распределяемых товаров и услуг) рассматривались как вторичные по отношению к государственной, а точнее корпоративно-классовой целесообразности.

На всех этапах становления и развития российского конституционализма инициатором и основным носителем программных установок конституционных преобразований выступала не буржуазия как на Западе, а само государство, представленное высшей бюрократией и непосредственно монархом (партийным лидером, президентом). В России политическая власть – это универсальный ресурс, посредством которого осуществляются манипуляции субъективным сознанием и поведением во всех сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в сфере экономики.

Современный период переживаемый экономико-правовой системой постсоветской России имеет два перспективных направления:

- формирование правового (конституционного) государства и правовой (конституционной) экономики в основу которых положены объективные факторы цивилизационного развития, заключающиеся в общечеловеческих правовых ценностях и экономических принципах;

- усиление бюрократического волюнтаризма бюрократической олигархии, неподотчетной и неподконтрольной в своих решениях и поступках конституционно-правовым институтам.

Следствием первой тенденции является конституционная экономика основанная, как уже отмечалось выше, на понимании свободы и собственности в качестве неотъемлемых личных прав, по отношению к которым государство выступает в качестве регулятора и охранителя, но не правотворца.

Бюрократизация государственного механизма, наблюдаемая в современной России, влечет усиление контрольно-репрессивной составляющей в механизме государственного влияния на сферу экономических отношений, а это в свою очередь приводит к подчинению и конституционного права и конституционной экономики государству, а точнее государственной целесообразности.

Отмечая, что «Конституционная экономика в России уже прошла тот этап, когда надо было определять ее предмет, предназначение, сферу практического применения»⁵, судья Конституционного Суда России, профессор Г.А. Гаджиев, совершенно справедливо утверждает: «В методологическом отношении первичными для конституционной экономики являются такие вопросы, как рациональность конституционных норм»⁶. При этом рациональность понимается как «характеристика умственной и практической деятельности того или иного человека, делаая последнего субъектом рациональности, которая выявляется в зависимости от вполне объективного показателя – выбора в той или иной ситуации»⁷. Иными словами определяющей оценочной характеристикой конституционной экономики является рациональность – установленная в конституционной норме возможность выбора субъектом того или иного варианта поведения, в

⁵ Гаджиев Г.А. Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве //Ежегодник Конституционной Экономики. 2018 (Ответственные редакторы С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм). М.: ЛУМ, 2018. С. 19.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 24.

сфере обозначенной предметом соответствующей конституционной коммуникации. Базовыми конституционными категориями, определяющими сущность конституционной экономики, являются право на личную свободу (ст.22) и частную собственность (ст. 35). Не вызывает сомнений то обстоятельство, что государство закрепляя самостоятельный юридический статус личной свободы и частной собственности, по идее должно гарантировать их от всякого рода противоправных посягательств, исходящих, в том числе, от самого государства, в лице представителей государственной бюрократии. Вместе с тем, действующая Конституция, установив вышеназванные права, тут же оговаривает возможности их легального ограничения и изъятия. В частности, определив право на личную свободу, законодатель оговаривает возможность его ограничения путем применения таких мер как арест и содержание под стражей, а также исполнения широкого спектра наказаний, связанных с социальной изоляцией. Применительно к праву собственности, конституция устанавливает практически неограниченную возможность государства изымать частную собственность в «государственных и муниципальных нуждах».

Полагаю, что рациональность конституции и конституционной экономики заключается не в декларациях, сколь прекрасны бы они по содержанию не были, не в призывах к патриотизму, росту общественной сознательности, гражданской активности и производительности труда.

Суть конституционной экономики, в условиях «альтернативного будущего» постсоветского конституционализма, заключается в стремлении не просто соединить в одной словарно-смысловой конструкции два разноотраслевых понятия «право (конституцию)» и «экономику», а создать работающий, причем эффективно, механизм трансформации российского общества, в котором на смену принудительной рабочей занятости населения, придет свободный творческий заинтересованный труд и в рамках которого, в конечном итоге будет обеспечен консенсус экономических и правовых интересов государства, общества, личности.